

Алла Ануфриева

ИСТОРИИ ОТ НАШЕЙ КЛАССНОЙ

Алла Ануфриева

Истории от нашей Классной

<https://litres.ru/73995076>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте себе уютный вечер, когда кто-то близкий делится самыми дорогими воспоминаниями. Именно такое ощущение дарит эта книга – сборник трогательных и смешных историй из жизни одной удивительной учительницы. От беззаботного деревенского детства и первых юношеских мечтаний до студенческих будней и, конечно же, насыщенных лет работы в школе – каждая страница наполнена жизнью, юмором и той самой теплотой, которая согревает душу. Приготовьтесь улыбаться, вспоминать и, возможно, находить отголоски собственных счастливых моментов в этих искренних записях.

Содержание

О детстве, уроках и неожиданных открытиях.	4
Пролог	4
Глава 1. Деревенские бывальщины	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алла Ануфриева

Истории от нашей Классной

**О детстве, уроках и
неожиданных открытиях.**

Пролог

Дорогие читатели!

Если вы сейчас держите в руках эту книгу, значит, вы, как и я когда-то, оказались в плену очарования одной удивительной женщины. Женщины, чьи уроки были не просто набором знаний, а настоящими приключениями, чьи слова звучали как мудрые советы, а иногда – как искрометные шутки. Я говорю, конечно же, о нашей самой классной Классной - Парфёновой Александре Васильевне.

Именно ее записи, бережно хранимые и переданные мне, стали тем бесценным сокровищем, из которого родились эти истории. Я помню, как с трепетом открывала эти драгоценные страницы, и как каждая строчка вызывала улыбку, а по-

рой и громкий смех. Это были не просто заметки, это была целая жизнь, прожитая с удивительным чувством юмора, которое никогда не покидает нашу Классную.

Я хочу выразить ей свою самую искреннюю благодарность. Спасибо, дорогая Классная, за то, что вы являетесь не просто учителем, а настоящим другом и наставником. Спасибо за ваше терпение, за вашу мудрость, за ваши бесконечные истории, которые так ярко оживают на страницах этой книги. Спасибо за то, что вы научили нас смотреть на мир с улыбкой, находить смешное в обыденном и ценить каждое мгновение.

С любовью и признательностью, автор Алла Ануфриева (Коптяева), ваша ученица выпуска 1985 года.

Уважаемые читатели! Пусть эти «Истории от нашей Классной» подарят вам улыбку, напомнят о беззаботном детстве, юности, и, возможно, помогут сделать свои собственные открытия.

Глава 1. Деревенские бывальщинки

У каждого поколения своя Страна Детства. Моя послевоенная - особенная. Табунок деревенской дошкольной детворы жил своей жизнью, но соблюдал правила. Всегда было дано пояснение, что так или иначе поступать не надо. И мы это понимали, потому что верили в страшилки.

В глубоких местах реки купаться нельзя, потому что Водяной утащит к себе на дно.

Грибы и ягоды собирать можно в бору до речки. Дальше – густой лес, где живет Баба-Яга и поджидает нас в своей избушке.

Через речку не переходить. В низинке есть маленькое озерко, в нём живёт Патрушевская попадья. Она не любит, когда на неё смотрят.

Мы добежали до высокого берега и с интересом смотрели на водную гладь озерка. Если рыба или лягушка «возмущали» воду, то уносились со всех ног обратно в деревню.

Привлекательным было поле с горохом, особенно в период его созревания. Стручок можно сорвать только у дороги, дальше заходить нельзя. Там нас поджидает Кикимора с горячей сковородой. Она очень любит маленьких жареных деток. Если из середины поля вылетала стая птичек, мы без

оглядки бежали к деревне.

До определенного возраста страшилки пугали нас. Любой житель деревни мог нас остановить. Без крика, без ругани. Слушались.

В нашем детстве уважение к старшим было не просто правилом, а частью воспитания. Мы видели, как взрослые обращались друг к другу, и перенимали эту модель поведения. Например, всех женщин по имени Анна в деревне называли только по отчеству – это был общепринятый способ выразить почтение. Был лишь один человек, к которому такое правило не применялось. У него была своя, всем известная кличка. Мы знали ее, но никогда не произносили вслух, потому что понимали, что это было бы невежливо.

Сколько же было тогда удивительных, самобытных людей! Александр Васильевич стал для нас, детей, настоящим проводником в мир книг. Он доставал из своего сундука настоящие чудеса – книги, которые казались нам волшебными. Давал их почитать и обсуждал с нами прочитанное.

Так мы познакомились с Томом Сойером, побывали на Острове Сокровищ, искали отца с детьми «Капитана Гранта», удивлялись величию Гулливера.

Мы прекрасно знали, что среди нас живут староверы. И знаете, никогда никаких проблем не было. Они спокойно ходили на свои моления в соседнюю деревню, и никто им слова не говорил. Это же их вера, и мы это уважали.

Война – время, когда привычные рамки стираются. Вот и

соседка-староверка, для которой табак был, безусловно, грехом, всё же выращивала его. Сушила листья, а потом сдавала – для солдат, на фронт. И никто её за это не осуждал. Наоборот, одиноким брату и сестре, тоже староверам, помогали всем миром, кто чем мог. Потому что в те времена главное было – выжить и помочь другим.

Моя мама с 13-ти лет жила в Москве. Сначала работала няней в двух еврейских семьях, где ее всегда ценили и уважали. Летом маму ждали увлекательные поездки: она ездила на гастроли по Волге вместе с хозяйкой, которая была талантливой музыкантшей. А когда наступала зима, мама спешила в вечернюю школу, чтобы получить образование. Она часто с улыбкой рассказывала смешную историю, случившуюся с ее соседкой по парте. Во время диктанта, когда девочка совершенно растерялась с расстановкой знаков препинания, она в конце написала целую вереницу из точек, запятых, вопросительных и восклицательных знаков, а затем добавила: «Марш по местам!».

Позднее мама работала на швейной фабрике, а после замужества на авиационном заводе в Балашихе. Там до войны работал и мой папа. После войны они туда уже не вернулись.

Я всегда была особенной для своих дедушки и бабушки

— ведь я стала первой девочкой в их большой семье, где до меня родились пятеро сыновей. К сожалению, один из них, мой дядя, погиб в 1942 году. Долгие годы он считался пропавшим без вести, но в 2016 году произошло невероятное: нашли обломки самолета, где он был стрелком. Это дало нам возможность наконец-то проводить его в последний путь. Я ездила на захоронение в Десногорск Смоленской области, и это был очень важный момент для всей нашей семьи.

В отпуске, когда собирались все сыновья и вели свои разговоры, я сидела на печке и слушала. Мне было сказано, что то, о чем идет речь за столом, ни с кем не обсуждать. Так я однажды узнала, что и в наших местах были дезертиры.

В годы войны, когда дед работал конюхом, произошло одно необычное событие. Ранним августовским утром, отправившись за конями на луг, он услышал из кустов чей-то голос: «Тиханович, это ты?» Дед подтвердил свою личность, но подойти ближе ему не дали — голос попросил остановиться. Незнакомец задавал вопросы о деревне, о сыновьях деда, и, главное, убедился, что дед его узнал. Удовлетворившись ответами, он попросил деда сохранить их встречу в строжайшей тайне.

Я думаю, что сыновья понимали, о ком идет речь, но предпочитали не называть имен. Неоднократно мне давали понять, при каких обстоятельствах мне дозволено присутствовать при беседах взрослых.

Нередко за столом семья вспоминала детскую выходку

младшего брата. Однажды, когда к бабушке с дедушкой пришли гости, бабушка, как положено, сначала накормила малышей. А потом, угощая взрослых, приговаривала: «Кушайте, дорогие гости!» Блюда на столе сменялись, и тут вдруг, откуда ни возьмись, появляется маленький Андрей. Он подбегает к столу и с невозмутимым видом выдает: «Кушайте, дорогие гости, а то унесу!» Ну, тут уж все просто рухнуло от смеха. Похоже, юный комик просто решил развлечь публику.

У мамы было несколько подруг, но Полисена Ивановна, пожалуй, была самой яркой. Невысокая, но невероятно умная и деловая женщина. Вдова, которая одна воспитывала пятерых детей и заботилась о слепой свекрови. А как она умела рассказывать истории из своей жизни – это просто надо было слышать! Смех был гарантирован.

(С сохранением местного диалекта)

Как мечтала, что поем трещочки

На работе во время обеда Валентина говорит:

- Мне из Архангельского Сиволот послал посылочку трещочки. Приходи-ко вечером.

Я-то всё дёржу в голове. Вечером накормила робят и пошла. Пришла, села на лавку у стола. Лампа горит, самовар не согрет. Думаю, она ждала меня, а чево раньше-то грить. Валентина полезла в подпольё, достала посылочку, показав

ла мне всю трещочку. Поперебирала, сложила обратно в посылку и опустила обратно в подпольё.

Посидела маленько, поговорили о трещочке и отправилась домой, не солоно хлебавши.

Иду и думаю:

- Що, Полисена, не поела трещочки, так хоть понюхала. В руке рыбинку подержала и довольно. Оближу персти и руки мыть не буду. Хошь, Полисена – нюхай, хошь – лижи!

Робята не спали, меня дожидались:

- Мама, скусная трещочка?

- Ой, поди скусная..

Надеялась, что если Валентина даст кусочек, то заварю кипятком, так и робята рыбной водички швыркнут. Так и легли спать. Ночью трещочка в ящике приснилась.

Как Полисена Ивановна у своей дочери искала чужого мужа.

Вечером ко мне пришла Людмила Александровна и говорит:

- Полисена Ивановна, мой Василий ушёл снова к твоей Варваре. Пойдём к ней.

Я пошла. Пришли. Закрыто. Начала Людмила колотить чё в двери. Варвара открыла.

- Чово колотитесь? Чово надо-то?

Людмила её оттолкнула и бросилась в избу искать своего Васю. Я в коридоре смотрю. Гляжу – на гвозде дождевик

виситче. В ём Вася спрятавсе. Стоит и не видко ево. Из-под плаща-то и говорит:

- Тибе-то чово тут надо?

И правда. Чово я у своей-то дочери ищу? Ой, дура баба. Людмила выходит. Не нашла никого. Я-то и говорю:

- Нет тут никово.

Так и ушли. Не знает Люда – где её Вася.

- А я-то, Оля, думаю – он ведь правильно мне говорил:

«Що мне-то там было надо?».

Первый раз в метро.

Надо мне было к дочери в Павлов Посад. Туда поехал один знакомый мужик – Петром его зовут. Вот и взял меня. В дороге-то с надёжным человеком спокойнее. Рассказал мне всё – как в метро себя вести. Вроде поняла всё, только боюсь. Подошли. Вижу – листничя, ступили только на её – она и поехала вниз, да так ходко. Я как заору на всё метро. А рядом парень молодой стоял и говорит:

- Не бойсе, баушка.

Помог и сойти потом.

А Петька-то сделал вид, что не знает меня. Ведь ищо учил, что внизу надо с этой листничи соскочить. Вот бы бабка старая скочила, людей насмешила.

Потом-то, конечно, Петька ко мне подошел и всё мне выбаял, что и кричать-то было не надо. Как не кричать, коли эта листничя вмисте с людьми поехала. Осердився он. Ево

опозорила.

Как вариньё возила внукам.

Навострилась издить в Москву. А що. Посадят на поес, сиди да жди. Думаю, гостинчи надо им привезти. Варинья наварила: из земленики, черники, смороды красной да черной. Всё расклала по баночкам. Их ладом закрыла крышками. Каждую заворотила в старые газеты и поставила в чободан. Игоила надёжно. Мне ищо дома наказали, щобы за чободаном глядела, укрась могут.

Приехала. Надо перейти золезную дорогу по высокому мосту. Еле запетала чободан по листниче, один мужик хотел пособить, да побоялась – украдёт. По мосту прошла. Там-то надо спускаться. Всё полегше. Я хлоп да хлоп с чободаном, со ступени на ступень.

Дохлопалась. Открыли чободан. Батюшки, половина баночек расхлопала. Только с земленикой и сохранилось. Внуки обрадили. А я подумала:

- Зря газет-то пожалела. Печь-то и лучиной растоплеть можно.

Как Алевтина варила компот.

На работе-то во время обеда Алевтина рассказала, что её муж купил в магазине сухофруктов, принёс домой и наказал ей сварить компот.

Посмотрела Алевтина на сухофрукты, похожи на сухие

грибы. Вымыла. Положила в чугу́н, залила водой и поставила в печь.

Около обеда заглянула в чугу́н – жидко. Решила покрошить картошки туда и поставила обратно в печь. Пусть доваривается.

Вечером решила мужа удивить.

- Олександр, сегодня на ужин компот, - И накладывает ему полную миску, погуще.

- Картошка-то там нащо? Дура, компот должен жидким быть.

- Я-то думала, що за похлёбка без картошки...

Как кальсоны мужу справила.

- Мануфактуры в потребиловке мало. А нательное мужику надо. Всё износилось и заплату не к чему приладить. Ленку (льна) потихоньку нагоила, обтрепала, повычесала волокно. Зимой вечерами ниточек напярала. Ближе к весне кросница изладила да портно выткала. Надо-то было повыварить, не худо бы помягче-то. Да надо скорей нательное справиться. Сшила кальсоны, подала мужу – оболокай. Он надев и пошёл в конюшню. Ну, думаю, угодила мужику. Пришов обратно, кальсоны несёт в руках, матом ругается Дошёл до конюшни, стёр всё – и ноги, и задницу. Снял кальсоны, выколотил обухом на колоде. Домой в одних щанах пришов. Шумел долго:

- Сшей себе исподку, да и носи.

Исправлять начала. В большой чугуны воды да золы в тряпке. Пропарила. Прополоскала. Мягкие. Носить начал. Я-то думала – обносится.

Как робята молоко ели.

- Молока-то мало. Наливала в общую большую миску. По куску хлеба, лошки. Хлебайте

Рёв. Не поделили чево-то.

- Мама, Ванька больше молока хлебает. Говорит, давай поровну поделим - поставь на средину ложку. Пока ложку держал, он и мою половину выхлебал.

Поругала:

- Ой, ты, продумная голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.